

Аббас – это звучит скромно

Заметки звезды мировой фотографии на полях «Интерфото»

Независимая газ. – 2002 – 17 окт. – с. 6.

Екатерина Васенина

Если заказчик специально не оговаривает использование цветной пленки, он использует черно-белую. Для себя снимает только до восхода солнца – в это время видно только белое и разные оттенки черного. Любимой камерой и любимым объективом называет свои глаза. На просьбу посоветовать, как научиться фотографировать, отвечает: «Купите пару хороших ботинок. Вы будете очень много ходить». В фотографическом мире считается вредным и даже злым человеком (замечено, что такой ярлык вешают те, кто мешает работать). Не фотографируется. В рамках завершившегося на днях профессионального фотофорума «Интерфото» в Москву приезжал звезда мировой фотографии, сотрудник агентства «Магnum» иранец Аббас. Показав слайд-шоу о тувинских шаманах, гаитянских вуду и японских синто, на которых он переключился, закрыв тему основных мировых религий, Аббас дал эксклюзивное интервью «Независимой газете» и разрешил сфотографировать кусочек себя.

Аббас считает, что фотографа никто не должен знать в лицо.

- Аббас – это ваше настоящее имя?
– Аббас – это фамилия. За последние сорок лет все знают меня только под этим именем. Тогда как у кинорежиссера Аббаса Киаростами Аббас – имя, а Киаростами – фамилия.
- Как вы начали заниматься фотографией?
– Я уже родился фотографом.
- Вы иранец, живете в Париже и лучше всякого русского снимаете христианский мир. Что заставляет совершать вас «Путешествие к христианским народам»? (Так называется одна из книг Аббаса. – Е.В.)
– Я фотографирую не только христиан, но и мусульман, ка-

толиков, протестантов, язычников. Просто когда занимался темой христианства, я подумал, что мне нужны православные христиане, греческие или русские. И обнаружил, что русское православное христианство намного интереснее, так как гораздо шире разброс в понятиях и есть политические проблемы.

Работа фотографа хороша тем, что, когда я говорю о религии, я говорю не только и не обязательно о вере. Религия – это и культура, и уровень цивилизации, и близкое дыхание политики и социальных проблем.
- Вы снимали войну в Боснии, конфликты в Северной Ирландии, бог знает что еще. Каждый неучастник, но со-

знательный свидетель военных действий ездит туда за своим. Зачем ездите вы? Что остается в вас, когда вы возвращаетесь из горячих точек?
– Я езжу туда, потому что я фотограф. Первая война, на которую я поехал, это была война в Бангладеш в 1970 году, в которой я увидел отголоски войны

во Вьетнаме. А что во мне меняется из-за этого? Это очень долгосрочный процесс. Может быть, только через пятьдесят лет я пойму, что какой-то военный конфликт, который я фотографировал, оставил во мне какой-то отпечаток или повлиял на меня как на человека.

Если же говорить о сиюминутном воздействии, изнутри понятно, по какой причине конфликт происходит. Больше узнаешь о человеческой природе и о природе себя самого.

Но вам, видимо, интересно понять, что изменилось во мне навсегда? Для этого надо подождать.

- Сколько вам лет?

– Официально – 58.

- Если во время нынешнего визита в Россию вы успели ознакомиться с российской фотографией, что вы можете о ней сказать?

– Если честно говорить, в конце эпохи Советского Союза была большая надежда на советскую фотографию. Но неожиданно все эти надежды не были воплощены. Может, мы ждали слишком многого – а ждали мы общего культурного взрыва, который произошел в России в 1917 году. Родченко, например, для меня безусловное дитя революции. Но, может быть, ваш новый мощный культурный взрыв – это опять-таки долгосрочный процесс и требуется больше 15 лет?

В СССР фотографы, стоявшие на службе официальной пропаганды, ухитрились делать что-то для себя и вкладывать в эти послания заряды большой внутренней силы. Шайхет, Игнатович – из-за того, что в каждом из них боролась два фотографа, высекалась искра.

Сегодня, когда у каждого зрителя и фотографа свои собственные индивидуальные ценности и идеалы, я пытаюсь выделить для себя работы, которые могли бы представлять интерес для большинства. Но пока российская фотография находится в состоянии позитивного хаоса.
- Мировая фотография, на ваш взгляд, развивается или деградирует?

Все работы Аббаса наполнены невероятной внутренней энергией.

Фото автора

– Если говорить о документальной фотографии – раньше все делали одно и то же – горизонтально расположенные прямоугольные снимки, классическая композиция, яркая социальная направленность. Сегодня работают кто в лес, кто по дрова. Вот в «Магнуме», например, есть Мартин Парр, Георгий Пинхасов и я – у нас разные стили, разные подходы к работе. При этом все мы работаем в документалистике.

Что же до художественной фотографии, то в ней, как и во всем современном мире, слишком много автора и его «я». Было бы гораздо легче жить, если бы фотографы во всем мире осознали свою скромную и важную роль посредника, держащегося в тени.

- Когда вы сегодня снимаете экстремальные ситуации или дикую природу, вам нужно уютное фирменное обмундирование, группа сопровождения на случай опасности или вы аскетичны в работе?

– Все, что мне нужно, это мои глаза и мои ноги. Иногда – мои мозги и мое сердце. Этого вполне достаточно.

- Считаете ли вы свои фотографии безупречными с точки зрения композиции?

– Фрагмент пикиссовской «Герники» с лошадиной головой и длиннющим лошадиным языком очень долго висел у меня дома над кроватью. И я говорил себе: когда я научусь снимать так же сильно и так же просто, я перестану фотографировать. Этого пока не произошло.

- Что вы чувствуете во время работы?

– Я бы назвал это ощущение вдохновением. С той поправкой, что оно далеко от религиозного. Чтобы видеть событие целиком и разнонаправленные потоки людей в нем, нужно видеть цвет, тени и линии. Для этого нужно быть абсолютно включенным, и я сознательно вгоняю себя в это состояние включенности. Но иногда – на мусульманской молитве, в православной церкви, на языческом обряде битья в барабан – бывает чувство, близкое к трансу, но я все равно должен правильно настроить экспозицию и выдержку. Должен заметить, к своему сожалению, это не так часто со мной случается.

- Вы используете автоматические камеры?

– Нет.

- Почему вы не фотографируете?

– Фотограф должен быть анонимом. Тогда он может свободно двигаться. Я не хочу, чтобы меня узнавали в лицо.

- Разрешите в качестве иллюстрации к интервью сфотографировать кусочек Аббаса.

– Вы можете сфотографировать мою камеру – там виден глаз. ■

Из досье «НГ»

Впервые Аббас принес свои фотографии в алжирскую газету в 1962 году, ему не было тогда и 18. Достигнув совершеннолетия, переехал в Англию и учился в университете. На родину вернулся сразу после революции 1978 года и в 1980 году выпустил альбом «Украденная революция». В 1981 году пришел в агентство «Магnum», спустя четыре года стал членом коллегии, а затем и президентом агентства. Выпустил четыре книги. Работоспособен и легок на подъем. Наши знатоки фотографии называют его «иранским Бальтерманцем».